

ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Анатолий Павлович ЖИГАЛОВ, кандидат исторических наук, преподаватель Военного института ДВГУ

1945 г. был переломным для Японии, которая до того одержала победу в Перл-Харборе, захватила многие страны Юго-Восточной Азии, часть Новой Гвинеи, многие острова на Тихом океане, принадлежавшие США и Англии, подошла к границам Индии, уже угрожала Австралии, оккупировав территорию площадью 38 млн. кв. км и значительные регионы Китая. И если бы не Советская Армия, то союзникам суждено было бы воевать еще год-полтора, а то и больше. Не только атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки вынудили японского императора объявить указ о безоговорочной капитуляции, а и Советская Армия, которая, начав войну против Японии 9 августа 1945 г., нанесла японским войскам ряд сокрушительных ударов, заставив их сложить оружие. Более 594 тыс. японских солдат и офицеров, 148 генералов были взяты в плен.

Мое знакомство с японцами состоялось в боевой обстановке при допросе взятых в плен солдат и офицеров. Вначале они вели себя надменно, отвечали неохотно, так как считали, что они не сдались, а выполнили указ императора Хирохито. На деле же и до 14 августа, дня опубликования указа, японские войска не могли удерживать занимаемые позиции, выдерживать мощные удары Советской Армии.

В госпитале на станции Эхо в Маньчжурии раненые и больные также держались заносчиво, дерзко, особенно те, кто участвовал в карательных операциях, на задаваемые вопросы отвечали уклончиво, не признавали своего поражения.

Суровая логика войны, закончившейся 2 сентября 1945 г. подписанием акта о капитуляции Японии с вытекающими из него требованиями о перемещении военнопленных и интернированных японцев на территорию советского Дальнего Востока и Сибири, поставила много сложных проблем. Основная масса людей перемещалась железнодорожным транспортом, другая — на кораблях и своим ходом. Готового жилого фонда для них не было. Военнопленные обустраивались сами, испытывая при этом немалые трудности и лишения. Солдаты микадо на оккупированных ими территориях имели неограниченные права, могли занять то, что считали нужным.

В России начиналась зима. Значительные расстояния приходилось преодолевать пешком. Военнопленные работали на строительстве жилья, на уборке урожая, в рыбных портах, в подсобном хозяйстве, в лесу... Преобладал ручной труд, также имели место бесхозяйственность и воровство довольствующих чиновников. Все это ухудшало обстановку. Однажды военнопленный

доложил, что начпрод Сушко приказал отнести домой большую тушу мяса... Сушко от должности был отстранен и наказан.

В памяти и другие картинки из жизни военнопленных японцев.

О буднях пленных японцев

Поселок угольщиков, лесорубов Ретиховка расположен в центре Приморья. В 40-е годы там были многоквартирные бараки, индивидуальные дома, которые обогревались углем и дровами.

В небольшом побеленном здании находилась железнодорожная станция, в ней было тепло и уютно. Рядом такой же дом размещал 40 военнопленных. В этом помещении — холодно и мрачно. 23 японца работали на лесоповале. Остальные, тепло одетые, в валенках и шапках, мерзли возле печки. Все были в удрученном состоянии. Оказалось — они больные, от работы освобождены. Медицинской помощи никакой нет, откровенного разговора с ними не получилось. Не теряя времени, я уехал на лесоучасток, который был в 12 км езды на машине и 2 км пешего хода. Там ситуация не лучше... Работа стояла... Зима 1947—1948 гг. была очень холодная. Снега много, в лесу он рыхлый, глубокий — до одного метра. Мороз — 19—20°C. Лес: сосна, пихта, кедр — до 30 м высоты, в два обхвата толщины. Деревья нужно пилить, обрубить сучья, подготовить к вывозке на склад... При падении такой гул и стон по всей тайге, что мурашки по коже, сердце уходит в пятки, дух захватывает.

В бригаду лесорубов записывались добровольцы. Многие из них оказались знакомы с лесоповалом, но были и новички. Только одно дело на родине, например, на Хоккайдо, где температура в январе 6—9°C, а другое в Ретиховке, где температура в 5 раз ниже. Дремучая тайга, земля непаханая. Не столько морозы, хотя и это существенно, сколько само положение военнопленного: боязнь травмы, увечья, гибели, не совсем удобная одежда, слабое питание порождали страх, тоску и уныние...

Стали искать решение. Собрав бригадиров, познакомили с работой русских лесорубов на соседнем участке... Натопили и обогрели жилье. Договорились с местным медпунктом об оказании необходимой помощи, изыскали дополнительное питание. На лесоучастке поставили теплушку-обогреватель, пленным выдали более подходящее обмундирование. На время сколотили смешанные с русскими лесорубами бригады. И, конечно, прежде всего боролись за соблюдение техники безопасности... Когда люди отогрелись и души их оттаяли, организовали просмотр и перевод кинофильма, пошли в ход газеты, брошюры на японском языке, которые мы привезли с собой. И не будет преувеличением сказать, что положение стало немного исправляться. И хотя наши нормы они не выполняли, все-таки лесоматериал заготавливался в необходимом количестве.

Жаркое лето 1949 года

Почти весь личный состав рабочего батальона — на подсобном хозяйстве. Прополка, подкормка, поливка, окучивание картофеля и овощей. Заготовка сена, кормов для скота и огородной продукции на стол военнопленных...

Днем в поле, вечером в палаточном городке вблизи сел Стародевица и Новодевица. Волейбол, футбол, настольные игры, музыка. Раз в неделю демонстрация кинофильмов, художественная самодеятельность. По воскресным дням и после работы рыбаки уходили на озеро и речку Мо, которая от засухи обмелела. Умелые и находчивые изготавливали ловушки, крючки, бредни и за час-другой на ужин ловили полную повозку касаток, плотвы, креветок, сомов. Спокойная будничная жизнь большого лагеря. Мы ходили в села, сельская молодежь навещала нас. Казалось, идиллии не будет конца. И вдруг ночью в июле разразилась гроза. Дождь лил словно из ведра, как на беду накануне за какую-то провинность япон-

цы «демократы» осудили «реакционера» и посадили в яму, а чтобы тот не убежал, поставили охрану. Вода быстро заполняла углубление, а охранник не выпускает провинившегося, тот начал кричать, звать на помощь. Силой оттащили охранника, а его подопечный едва не утонул...

О поединке

Перед обедом, в ожидании заветного сигнала японцы группировались возле курилки. Толпа наблюдала борьбу русского и японца. Командир роты охраны старший лейтенант Иван Филин был двадцати девяти лет отроду, рост 187 см, мускулистый и крепкий, не раз и не два участвовал в поединках «дзюдо». Чаще побеждал, были и ничьи, случались неудачи, но они-то и вызывали азарт у Ивана: «Давай еще, еще разок», — просил он, и не уходил с арены, пока не добивался успеха. Его соперник японец Ватанабе в прошлом занимался «дзюдзюцу» (японская борьба), спокойно и хладнокровно побеждал своих соотечественников. Иван наблюдал это не раз и был уверен, что он сильнее и должен победить упрямого Ватанабе. Ни один не хотел уступать. Казалось, что Иван вот-вот одолеет соперника. Шли минуты, публика смотрела молча. И вдруг всеобщий вздох — Иван полетел на несколько метров от места схватки и не встал: нос разбит, грудь в пыли. Все замерли, Арбитр позвал на помощь. Принесли носилки, Ивана отправили в санчасть. После излечения ему запретили участвовать в поединках...

«Реакционер» Симидзу

До конца 1947 г. командирами взводов, рот и батальонов были японские офицеры, свои обязанности они выполняли формально. Личный состав работал вяло, без усердия. Были случаи неповиновения, стычек. Командиры оскорбляли, сурово наказывали подчиненных, допускали рукоприкладство. По просьбе общественности провели общее собрание. Обсудили, как мы считали, ненормальную обстановку. Решили командира батальона, занимавшегося рукоприкладством, освободить от должности и отправить на работу вместе с остальными. Но майор Симидзу ходить на работу отказался, более того, оставаясь в расположении казармы, прятал почту, продукты, литературу... На собрании его, как реакционера, поместили в «изолятор» и через некоторое время перевели в лагерь другого ведомства.

Симидзу был выходцем из крестьян. Солдат, преданный императору ревностным служением Хирохито, он дослужился до фельдфебеля. За участие в «боевых операциях» был произведен в офицеры. Последнее время командовал батальоном. Майор — человек суровый и неразговорчивый — являлся по внешним признакам образцом требовательности и «исполнительности», но с подчиненными был жесток, унижал и оскорблял их. И они стали выражать недовольство...

О «свободных выборах»

Вспоминается работа с японцами в рыбном порту Владивостока. С согласия нашего командования новым командиром из числа военнопленных стал Такэучи-сан, 29 лет, невысокий и худощавый. Образование — полное среднее, человек смелый, трудолюбивый и заботливый, он пользовался доверием товарищей. Честно докладывал о недостатках в батальоне, не боялся защитить трудолюбивых соотечественников, поддерживал и выдвигал на руководящие должности старательных товарищей. Вскоре командирами всех звеньев стали избранные на общих собраниях люди.

Личный состав оживился, подтянулась дисциплина, к работе стали относиться не только как к повинности, но и необходимости. Появились передовики, выполнявшие производственные задания на 120—140%. Изменилось от-

ношение к ним русских представителей, где работали японцы. «Пусть покурят!», «Что они не люди?», — не раз мы слышали обращения к бригадирам военнопленных. — «Мы поели, надо и их накормить», — говорили вслух. О проявлении чуткости и внимательности русских людей к японцам заявил майор Кусава по возвращении на родину¹.

Перемена в настроении, во взглядах военнопленных отражалась не только в труде, но в поведении, во внешнем облике. Появилось что-то близкое к радости, умиротворению, просветление в глазах. Это все помогло создать работоспособный актив. В него входил капитан Кабаяси — 28 лет, интеллигентный, окончил университет Васэда. За исполнительность и участие в общественной жизни его ввели в демократический актив. Он выпускал стенные газеты и плакаты, где критиковал ленивых и реакционно настроенных военнопленных, после окончания краткосрочных курсов читал лекции, выступал с докладами на политические темы, участвовал в проведении тематических викторин.

О струнном оркестре

В 1948 г. руководство рыбного порта наградило рабочий батальон крупной денежной премией. Купили струнный оркестр. Обустроили концертный зал, обзавелись костюмами и декорацией для скетчей (одноактных пьес).

Японцы быстро овладели струнными инструментами. За месяц создали общедоступный оркестр. Русские подарили гармонию, нашелся аккордеонист — получился смешанный оркестр. Особенно стабильным был струнный оркестр, исполнявший произведения русских и японских авторов (М.И. Глинки, П.И. Чайковского), а также популярные песни: «Где ж вы, где ж вы очи карие?» М. Исаковского, «Васильки» Б. Кожуна, «Давай закурим» Я. Френкеля, «Моя любимая» Е. Долматовского. Часто исполняли песни «Широка страна моя родная», «Калинка-малинка моя», «Катюша». Из японских авторов «Фудзи» Тосабуро Оао, «Радуга над полем» Нони Какару... Оркестр играл на торжественных церемониях, музыкальных вечерах. Слушателями были и русские, в том числе офицеры и их семьи.

В газетах печатались произведения демократического направления. Например, поэты «Архипелага» продолжали традиции пролетарской поэзии, усматривая единство «политики и искусства»: «Орхидея Ран», «Вечер в июньской зелени»...

О музее Арсеньева, Доме пионеров

При подготовке репертуара мы обращались в Дом пионеров, что в центре Владивостока. Там работали энтузиасты, преданные своему делу профессионалы. Они очень нам помогли материалами, сценариями, сборниками песен. Нас стали приглашать на дневные концерты, торжественные церемонии: прием в пионеры, пионерский сбор, занятия, репетиции. С помощью работников Дома пионеров мы познакомились с музеем им. Арсеньева, который в то время был рядом. В музее хранилось много трофеев, требовавших идентификации. Наши ребята, наиболее грамотные, на славу потрудились. Лежавшие мертвым грузом экспонаты после обработки и перевода на русский язык обрели свое лицо, нашли признание и квалификацию; там были монеты, знаки различия, ордена и медали, символы, доспехи японских воинов, вывезенные в качестве трофеев из Маньчжурии и Кореи. Труды японцев были вознаграждены.

О формах работы

Труд многому учит. Но не всякий учит тому, что нужно. Труд лесоруба для японских военнопленных был пыткой. Работа с нечистым на руку командиром порождала недоверие, нежелание трудиться. Среди военнопленных

было немало юнцов. Рядовой Сато призывался в армию в 16 лет и вскоре попал в плен. В качестве подсобного рабочего его определили в распоряжение хозяйственника, через две недели он попросился перевести его в рабочую бригаду. «Что такое?» — спрашивали Сато — «Начальник требует готовить хорошо обед, а денег, продуктов дает мало...»

Отдавая должное трудовому использованию, мы знакомили японцев со стахановским движением, его героями, рассказывали об Алексее Стаханове, Марии Виноградовой, Максиме Кирпоносе, Турсунной Ахуновой. Передовиков производства чествовали и награждали. Например, совершали экскурсии в город, посещали цирк, кинотеатры, музеи и магазины. Нередко горожане спрашивали: «Кто эти японцы?». Одеты чисто, во всем новом. Свободно ходят по магазинам, делают покупки. Да и не только это. Бригадир, передовик труда (японцы) участвовали в производственных совещаниях, проводимых руководством рыбного порта и Министерством рыбного хозяйства СССР восточных районов. Для них были организованы кратковременные курсы демократического актива, где читались лекции об Октябрьской революции, о международной обстановке, о положении в Японии, об ООН. «Нихон Симбун» печатала беседы академика В.А.Карпинского об общественном и государственном устройстве СССР. Отдельными книгами были выпущены переведенные на японский язык История ВКП(б), Основы марксизма-ленинизма. «Нихон Симбун-ся» выпустила брошюру Ичикава Сёичи «История КПЯ». Закончившие курсы выступали с докладами, лекциями, работали индивидуально. Личное общение с советскими людьми, знакомство с реалиями нашей жизни того времени дало много положительных результатов. Военнопленные стали осознавать общность интересов японского и русского народов, бороться за демократизацию Японии².

Подобные перемены во взглядах и настроениях бывших японских солдат нашли выражение в резолюциях митингов собраний, письмах в адрес Советского правительства и командования Советской Армии.

... На митинге репатрируемых военнопленных 2 января 1947 г. с участием 5 тыс. японских солдат и офицеров говорилось: «Для того, чтобы улучшить жизненные условия японских трудящихся, демократизировать страну и не допускать впредь повторения агрессии, мы призываем всех японских военнопленных бороться:

1. За осуществление полной демократизации Японии.
2. За предоставление работы всем трудящимся Японии.
3. За немедленное свержение кабинета Иосиды и замену его народным правительством, созданным по принципу общепризнанной демократии»³.

О Стокгольском воззвании

В сбор подписей сторонников мира с требованием запретить атомное оружие и объединить силы в борьбе за разоружение активно включились японские военнопленные. Горячие выступления, пламенные зажигательные призывы были услышаны и поддержаны большинством военнопленных. Солдаты и офицеры перед отправкой домой поставили свои подписи и печать (пальцем) на списках. Текст обращения и рулоны списков были отправлены в Хельсинки, в секретариат Всемирного Совета Мира.

О проводах

Трудно найти молодого человека, который бы из плена не рвался к маме, любимой девушке, в объятия родных и близких людей — японец тому не исключение.

К возвращению домой военнопленные начали готовиться за месяц, два, а то и раньше: ни работа, ни сон, ни пища — ничто не могло остановить мысли о родине. Приводили в порядок обувь, одежду, свой внешний вид. Разучивали песни, репетировали речи, писали плакаты, транспаранты, благодарственные письма к советскому народу, командованию Советской Армии, призывая соотечественников бороться за миролюбивую демократическую Японию, выражали протесты против оккупационного режима США в Японии. Памятным было прибытие поезда в Находку: украшенный портретами и лозунгами железнодорожный состав приблизился к станции. В вагонах витал дух яматодамасий, в то же время звучала «Катюша». Аплодисментами встречали прибывших жители города. Женщины и дети дарили японцам цветы. Обменивались значками, сувенирами на память. Толпа не расходилась до тех пор, пока «Токио мару» не дал прощальный гудок.

О встречах в Москве и Хабаровске

Пятнадцать лет спустя мы встретились вновь. В августе 1965 г. большая делегация японской общественности — учителя, журналисты, шахтеры, служащие — прибыли в СССР. Теплая встреча. Массовый митинг прошел в городе Находке, состоялась встреча «За мир и дружбу между народами СССР и Японии» в г. Хабаровске. В ней приняли участие представители различных слоев населения Дальнего Востока.

Самолетом Ту-114 японская делегация была доставлена в Москву, где обсуждение проблем продолжалось во Дворце профсоюзов СССР. 27 августа 1965 г. японскую делегацию в Кремле принял А.И.Микоян, председатель Президиума ВС СССР. Гостям предоставили возможность посетить заводы «Калибр», «Москвич» имени Ленинского комсомола. Был прием у Е.А. Фурцевой, министра культуры СССР. С жителями Москвы общались во Дворце пионеров, Дворце спорта в Лужниках и на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Ровно через два года прошла 2-я Хабаровская встреча, в ней приняли участие рядовые члены профсоюзов и профактив всех союзных республик СССР и всех японских префектур.

На обсуждение были представлены доклады члена-корреспондента АН СССР Н.Н.Некрасова, зам. председателя правления общества «СССР-Япония» Л.П.Делюсина, дважды Героя Советского Союза П.И.Батова. От японской стороны — члена исполкома совета за запрещение атомных и водородных бомб Тазима Зуйтай, от профсоюза учителей — Морихара Есинори, редактора журнала «Напну» Ямада Масаити и других.

В совместном заявлении говорилось о дальнейшем укреплении единства и сплоченности народов в борьбе за мир, против американской агрессии во Вьетнаме.

Встречи представителей профсоюзов двух народов чередовались: одна — в Японии, другая — в СССР. 10-я встреча за мир и дружбу между народами Японии и Советского Союза (22—23 августа 1975 г.) прошла в Волгограде и была посвящена победе над фашизмом. В совместном заявлении записано, что разрядка международной напряженности должна углубляться и расширяться во все районы мира.

Характеризуя важность этих встреч, председатель Сохе М.Ичикава говорил: «Развитие этой сильной традиции имеет неопределимо важное значение для дальнейшего упрочения мира, дружбы и солидарности трудящихся всех стран»⁴.

Вместо послесловия

Тенденция к демократии зародилась среди актива военнопленных, этому в немалой степени способствовали внутренний режим лагеря, свобода волеизъявлений японцев на собраниях и митингах, их участие в производственных совещаниях с командованием и руководством производственных объектов, повседневное общение с советскими людьми. Явственно ощущалось стремление военнопленных самим во всем разобраться, осознать свое прошлое, оценить настоящее и заглянуть в будущее своей страны на опыте СССР, Вьетнама.

Ненавязчивая, лояльная работа по политическому просвещению с советской стороны, активное участие японцев в массовых мероприятиях помогали сеять и взращивать зерна взаимного понимания, добрососедства и тенденции к демократии.

Говоря о внешней политике России, Е.Примаков недавно заявил: «... целенаправленно, активно развиваем диалог и экономические связи с Японией. Ни мы, ни японцы не отойдем от своей позиции в отношении суверенитета на Южных Курилах. Совместная хозяйственная деятельность на них создаст условия для преодоления противоречий»⁵.

Налаживается российско-японский военный диалог, он будет способствовать укреплению стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россию и Японию связывает Японское море. Чем чаще будем встречаться, чем активнее станем вести совместную деятельность на море, тем спокойнее будет обстановка в нашем регионе.

Использованная литература

- И.А.Латышев. Современная Япония, М.1973.
 С.И.Вербицкий, И.И.Коваленко. СССР и Япония. М.1978.
 М.И.Бурцев. Политическая работа среди войск и населения... М.1971. Особый фронт. М.1986.
 Ичикава Сеичи. История КПЯ. Нихон Симбунся, Токио, 1934.
 Н.Н.Некрасов. Л.П.Делюсин, П.И.Батов. 3-я Хабаровская встреча советской и японской общности. Хабаровск, 1967.
 Тазима Зуйтай, Морихара Ёсинори, Ямада Масаичи. Выступления на 3-ей Хабаровской встрече. Хабаровск, 1967.
 А.П.Кавко. Японские реалии, Владивосток, 1973.
 О.Курганов. Американцы в Японии. Нихон Симбунся, Токио, 1974.
 В.А.Пронников, И.Ю.Ладанов. Японцы. Этнографический очерк. М.1983.
 Майор Кусава. Архив МО. Ф.32 ОЛ113 05 л.604. МЛЛ.236—237.
 Архив МО СССР Ф.32. Оп.11309. Д.176. Л.138.
 А.П.Жигалов. Материалы, документы. 1945—1998 гг.
 Труд, №26, июль, 1972.
 Красная звезда, 10 янв. 1997.

¹ Майор Кусава. Архив МО 236—237.

² Работа ПО среди японских военнопленных § 3. С.240. М.,1971.

³ Архив МО СССР. Ср.32.Оп.11309. Д.176. Л.138.

⁴ Труд — газета, 26 июля 1972.

⁵ Красная звезда, 10 янв. 1997.

SUMMARY. The author of the article «From the Past to the Future» Candidate of Historical Sciences, A. Zhigalov returns to 1945 when Japan announced unconditional surrender. More than 594 thousand Japanese soldiers and officers were taken as prisoners. The author of the article while working then among prisoners of war, now describes his own observations and impressions.